Часть 1

Прошло около пяти лет с тех пор, как предыдущая императрица, Лана, умерла от болезни. Обычно старейшины веры в богов-драконов посещали похороны членов императорской семьи, однако император Гул Мефиус не пригласил их в Солон в тот раз. Война с Гарберой была в самом разгаре, поэтому отчасти и не провели государственных похорон, вместо этого жители Солона просто неделю носили траурные одежды, сам же Гул немедленно вернулся к командованию армией.

Ничего из этого в принципе не было особенно удивительным. Императрица Лана не была глубоко знакома с древними мефийскими традициями, а Гул явно не зарекомендовал себя, как тот, кто уважает историю и обычаи.

И все же…

Примерно три года назад он начал меняться. В то время война, казалось, тянулась без конца, и приграничные районы постоянно захватывались то одной, то другой стороной конфликта. Чтобы укрепить боевой дух народа, Гул дал клятву в храме богов-драконов: «Пока голова короля Гарберы не предстанет передо мной, я не вложу в ножны свой меч».

Во время этой церемонии Гул, по какой-то необъяснимой причине, отнёсся со всей серьезностью к соблюдению старых традиций. Он пригласил старейшин за месяц и подтвердил процедуру с ними, он собирал книги по истории и старые тома, одновременно погружаясь в их чтение. Казалось будто он пребывал в полном безумии насчёт того, чтобы быть уверенным, что ни одна вещь не пойдет неправильно во время ритуала. И поэтому, как было сказано, именно в это время некогда отчуждённый Император и старейшины стали ближе.

Что подводит нас к настоящему.

Здание, которое будто символизировало отношения между Императором и верой в богов-драконов, было построено в Солоне: внушительно большой храм, который должен превзойти все храмы в западных землях Таурана, где вера в богов-драконов глубоко укоренилась и являлась неотъемлемой частью жизни многих людей.

В тот день церемония поминовения в здании храма должна была состояться с раннего утра. Присутствовали только дворяне и офицеры. С вечера солдаты, вооруженные копьями и ружьями, окружили храм по периметру в несколько километров так, чтобы простые люди не только не могли войти в здание, но даже не могли наблюдать за происходящим на расстоянии.

Изящно вырезанные колонны были проложены от входа до внутренней части храма, в то время как перед ними по обеим сторонам от длинной лестницы выстроились придворные Мефиуса. Все они были одеты в плащи с капюшоном и длинные одеяния по щиколотку. Они были отправлены в каждую отдельную резиденцию около недели назад. Вероятно, одеяния были созданы по образцу длинных одежд, которые обычно носили старейшины и, очевидно, предназначались для того, чтобы быть формальной одеждой, которую люди должны будут

надевать всякий раз, когда они посещают храм.

Когда они впервые увидели внешность друг друга, им показалось это странно забавным, но никто не издал ни единого смешка. После они провели более часа, стоя на месте, вытянувшись и держа спины прямо.

Поднявшись по лестнице, Гул Мефиус направился к святыне Богов-Драконов, которая была перенесена из-под Черной Башни во внутреннюю часть храма, где нынешние старейшины находились в середине проведения церемонии.

Дворяне и офицеры, которые ожидали его возвращения, имели жесткие выражения лиц. За последние несколько лет Император совершил полный поворот в своей личности и стал одержим церемониями и ритуалами, поэтому, если что-то случится, что даже немного испортит его настроение во время этого праздника, они боялись даже представить, какое наказание это может повлечь за собой.

Недалеко от храма находились императрица Мелисса и ее дочери Инэли и Флора, иными словами, люди самые близкие к императору, и никто не хотел, чтобы они увидели или услышали что-нибудь ненужное. Тем не менее, будучи вынужденными терпеть напряжение так долго, несколько человек начали шептаться между собой, чтобы отвлечься от этого.

— Ходили слухи, что похороны лорда Гила пройдут после этой церемонии, но при таком раскладе похоже, что они снова будут отложены.

— Хотя похороны сына императорской семьи, несомненно, были бы более подходящей первой церемонией для храма.

— Уместно это или нет, не говорите так опрометчиво. Если кто-то с дурными намерениями услышал бы ваши слова, кто знает, как они могли бы исказить и распространить их.

— Ах, нет, это не то, что я имел в виду, мой лорд… Пожилой дворянин побледнел и покачал головой.

Никто даже не улыбнулся тому факту, что дворянин с многолетним служением Мефиусу так запаниковал из-за того, что его критикуют за такие безобидные слова. Таково было нынешнее положение вещей в Солоне.

— Почему все так долго откладывается?

— Перво-наперво казнь Оубэри должна быть проведена до похорон. Но даже для этого еще не назначили дату.

Оубэри, который убил наследного принца Гила, в настоящее время содержится в темницах

Солоны. Его ближайшие родственники и даже большинство его дальних родственников также были арестованы. Пока не было никаких признаков того, когда проведут его казнь или же когда состоятся похороны Гила. В первую очередь всё своё внимание император сосредоточил на строительстве храма.

Раньше не было ничего необычного в том, что некоторые из слуг высказывали свое мнение, но теперь не было никого, кто мог давать советы Императору. Среди влиятельных фигур, которые присутствовали там, это мог сделать Саймон Родлум, который должен был быть во главе их, но он все еще находился под домашним арестом. Кроме того, среди присутствующих сегодня, вероятно, не было никого, кто был бы недоволен Императором, ведь в настоящее время большинство из тех, кто был им недоволен, собрались на юге, в Килро.

— Его Величество радовался недавним действиям принца. И именно в тот момент его убили. Возможно, правда в том, что он всё еще не может принять это.

— Да. Если вера в Богов-Драконов может хоть немного облегчить горе Его Величества, мы должны это уважать.

Этими и подобными оправданиями они оправдывали трусость своего молчаливого одобрения того, как Император ведет себя или, скорее, свою неспособность высказать своё мнение.

Именно в этот момент появился и сам Император. Дворяне и офицеры сразу же перестали говорить, а на их лицах вспыхнула нервозность.

— Это было тяжело для всех вас, - обратился к ним Гул Мефиус с длинным посохом в руке. Он только недавно начал носить его с собой: на его кончике расположен хрустальный шар, который, как говорили, символизировал всевидящее око Бога-Дракона. Благодаря своему тонкому мастерству, невидимому для обычного наблюдателя, он преломлялся с помощью мельчайших канавок и изгибов, когда свет падал на кристалл, создавая впечатление, что он почти обволакивает пламя.

Сразу же после того, как Гул с посохом в руке провел некоторое время с толпой, которая поздравляла его, он начал уходить из храма. После этого в главном дворце Солона должен был пройти праздничный банкет.

Имперская гвардия, действующая в качестве почетного караула, стояла по обе стороны от Гула, а за ним следовала группа пожилых людей с темно-коричневой кожей - старейшины. Со смешанными чувствами слуги склонили головы и наблюдали, как они проходили мимо.

В этот момент.

— Ваше Величество!

Кто-то, как оказалось, опустился на колени перед Императором. Это был молодой дворянин, который стоял в самой дальней позиции от храма.

— Раймонд, ты наглый…!

Кто бы ни призывал его одуматься, им не нужно было этого делать; даже без него почетный караул собирался убрать дворянина по имени Раймонд с помощью длинных копий. Казалось, что, цепляясь за ноги солдат, он даже не заметил этого, продолжая обращаться к императору, который несколько замедлил свои шаги.

Раймонд заявил, что он обычно работал в Недайне, крепости между Бираком и Солоном, где он служил лорду-владыке Джэирусу и наблюдал за деревнями района. Там произошел инцидент: раб в доме какого-то торговца убил своего хозяина и сбежал. Он был всего лишь мальчиком и это случилось сразу после восстания рабов в Килро. Он, очевидно, собирался присоединиться к восстанию, но поскольку у торговца имелись связи с дворянами, его преследователи были безжалостны.

Раненный в ногу, ему всё же удалось сбежать в соседнюю деревню. Жители деревни пожалели молодого раба, они покормили его и приютили вместо того, чтобы уведомить Недайн о мальчике. Однако менее чем через три дня лорд Недайна узнал о его местонахождении и отправил воинскую часть в деревню.

Раймонд плакал, что сельским жителям не давали возможности объясниться. Солдаты подожгли деревню и убили всех жителей деревни, когда те попытались сбежать.

— Раймонд, заткнись. Молчи!

Этот грубый крик исходил от того же самого человека, который упрекнул его ранее - лорда Недайна, Джэируса Абигоала.

Владыки доменов, наблюдая за происходящим, спокойно обменялись взглядами. Они могли немного посочувствовать чувствам Джэируса. Если проблема возникала на земле, которой они управляли, то естественно это становилось делом ответственности хозяина домена. В наши дни кто знает какой ужасный конец ждет тех, кого Император назовёт «некомпетентными» и «бесполезными»?

Опасаясь повторения Килро, Джэирус пошёл на кардинальные меры, выслеживая единственного раба. Но для Раймонда, который часто обходил деревни и дружил с сельскими жителями, это было непростительно.

— Это должно противоречить законам Мефиуса. Ваше Величество, пожалуйста вмешайтесь, – Ваше Величество!

Лицо Раймонда почти касалось земли, когда Джэирус с багровым лицом бросился к нему и ударил его ногой в челюсть.

— Такой ублюдок, как ты, осмелился говорить о законах Мефиуса в присутствии Его Величества? Кретин!

Джэирус быстро ударил Раймонда по голове и спине. И, пиная его перед всеми, в поддержку своего жестокого обращения, он поднял вопрос о происхождении Раймонда.

Ведь тот был из некогда могущественной семьи, территорией которой ныне управляла Гарбера. Даже перед десятилетней войной происходили стычки между странами и около тридцати лет назад та земля попала под контроль империи, это произошло во время первого военного похода нынешнего императора Гула Мефиуса.

Однако менее чем за десятилетие данная территория снова была захвачена тогдашним королем Гарберы Йоргом Ауэром, однако семья Раймонда осталась в Мефиусе, где им только-только удалось достичь благородного статуса. Но в стране с такой длинной историей, как Мефиус, новичкам давали короткий конец клюшки. Кроме того, семья Раймонда на протяжении нескольких поколений была последователями Бадейна.

— Осквернение этого благочестивого события… легче сказать, что ты просто хочешь наплевать на веру Богов-Драконов, ублюдок!

Джэирус воспользовался разницей в их положении, чтобы очернить Раймонда. Не в силах противостоять ему, Раймонд просто повторял единственную фразу «Ваше Величество».

Гул Мефиус бросил беглый взгляд на молодого дворянина, унижающегося между солдатами и Джэирусом, затем быстро поднял свой взгляд и перевёл его на лорда Недайна. Тощая фигура Джэируса мгновенно задрожала.

— Пожалуйста, оставьте остальное мне, я бы не хотел беспокоить Ваше Величество, - сказал он дрожащим голосом.

С этого момента все было кончено. Или, по крайней мере, это касалось самого Гула. Император с внушительной белой бородой даже не кивнул, вместо этого, с видом полной незаинтересованности в происходящем, он снова начал уходить.

— Подождите - ваше величество, пожалуйста, подождите!

Печальный голос Раймонда эхом отозвался позади него.

Следом за Императором, как будто это была самая обычная вещь в мире, следовали старейшины. Все остальные придворные держали свои головы более опущенными, чем это

требовалось.

Поскольку большинство людей смотрело вниз, никто не заметил, как старейшины и императрица Мелисса обменялись короткими взглядами.

Несмотря на непредвиденный инцидент на церемонии поминовения, банкет прошел гладко.

Он проводился в зале для посетителей главного дворца, который был освобожден по этому случаю, и сопровождался невероятно популярными гладиаторскими поединками. Таким образом, смерть и кровь людей были выбраны в качестве первых жертвоприношений храму. Не жалелись средства на то, чтобы привлечь знаменитых гладиаторов, которые отдали свои жизни в сражениях друг с другом на мечах и копьях.

Гул наблюдал только несколько раундов, прежде чем покинуть свое место. Затем он махнул рукой придворным, которые встали, чтобы проводить его.

— Без меня будет легче разобраться в этом. Наслаждайтесь с этого момента, - его зубы блестели, когда он смеялся.

Это был первый раз за долгое время, когда он демонстрировал улыбку на публике, но ответные улыбки от слуг были несколько наигранными.

Вскоре императрица Мелисса тоже покинула свое место, словно следуя за ним. Один из гостей вытер пот со своего подбородка тыльной стороной ладони - Фолкер Баран, один из двенадцати генералов и человек, у которого, как известно, стальные нервы.

— Это было похоже на Варсу, древнего царя, чей взгляд превращал людей в камень, - сказал он тихо.

Притворяясь, что веселятся на банкете, несколько дворян имели затуманенные выражения лиц, оглядываясь по залу. Рабы убирали кровь, пролитую гладиаторами. Мертвых все еще перетаскивали с помощью крючков.

— Если бы лорд Родлум был здесь, это привело бы к очередному спору, не так ли? – Кто-то тихо пробормотал, глядя на ленточки крови, тянущиеся по полу дворца. Матчи гладиаторов и танцы на мечах – одна из особенностей Мефиуса - обычно проводились в других залах или зданиях, вероятно, это был первый раз в истории, когда матчи проводились в зале для посетителей.

Они почти слышали, как пожилой дворянин протестовал против осквернения кровью большого зала.

Я не понимаю ... Многие из слуг, вероятно, испытывали такое же недоумение. Его Величество возрождает древние традиции с одной стороны, одновременно попирая исторические обычаи с другой. Точно так же, как младенец, проверяющий пределы того, что ему можно, чтобы увидеть, в какой момент его отчитают родители.

Поздней ночью.

— Ваше решение, мой лорд?

В спальне Императора, Мелисса накинула тонкое одеяние на своё обнажённое тело и прижалась к Гулу. В свете лампы ее золотые кудри блестели на подушке. Девичья улыбка, ее тонкие пальцы проследовали вдоль груди Императора. Кто знает, что за сладкие речи шептала она?

— Пока здесь есть девушка из Гарберы, их страна не сможет вмешиваться. И внутренние споры Энде достигают своей точки кипения.

Ее шепчущие слова касались непосредственно национальных дел.

Гул рассматривал волнистую, янтарную жидкость в винной чашке, которую Мелисса протягивала ему. По природе он не был императором, который одобрял вмешательство женщин в политику. И все же в его глазах не было гнева, скорее они были наполнены светом, настолько скучным, что он казался вялым.

— Это уникальная возможность. Милорд, разве вы не позволили этому ужасному преступнику жить именно потому, что вы тоже этого ожидали?, — Мелисса хихикнула, ее глаза сверкали.

— Нет… Возможно, убийство Его Императорского Высочества кронпринца было… — пробормотали она эти слова.

Гул краем глаза посмотрел на свою жену. И уже просто от этого Мелисса начала дрожать.

— Вы говорите так, как будто это ваш собственный план, но это лишь часть “гадания”, которое вы получили от старейшин, а?

— К-Конечно, – Мелисса, казалось, изо всех сил пыталась вернуть свою улыбку.

Он перевел взгляд на чашу с вином в своей руке. Покачивая рукой с чашей, внезапно остановился и пристально посмотрел на свое лицо, отраженное в жидкости.

Часть 2

В городе Килро, в районе расположения всех более или менее жилых кварталов, стоял шум. Хотя, с учетом сказанного, это не было повторением того же скандала, который разразился в Солоне, когда рабы подняли восстание. Обычное население было совершенно спокойно, а шум и суета распространялись среди тех, кто находился в замке.

Федом Аулин не находил себе места с самого утра. Он провел инструктаж среди своих камергергеров и рабов и торопливо собирался уходить.

— Поторопитесь!

Обычно он не был тем человеком, который стал бы кричать на других, но этот раз стал исключением. Он пребывал в таком отчаянии, что даже пинал своих рабов, чтобы они спешили с приготовлениями.

Все это можно понять.

Ведь именно здесь, в Килро, собрались ведущие деятели антиимперской фракции, вызванные сюда самим Федомом. Они разделяли общее желание противостоять тирании императора Гула, поддерживая наследного принца Гила, но, когда Гил умер, их надежды были полностью разрушены, а план на полпути провалился.

То, что произошло незадолго до того, как кто-либо смог придумать правдоподобную причину для своего ухода из Килро, повергло всех в хаос. Прибыл посланник из Солона. Что еще хуже, он приехал на авианосце «Индиго», указывающем на то, что его послал непосредственно сам Император.

Члены антиимперской фракции, в том числе и Федом, побледнели, как только увидели прибывший корабль.

Он определенно что-то подозревает.

Федом продвигал свой план вперед с максимальной осторожностью за пределами любых оплошностей. Он не мог позволить себе быть обнаруженным даже его собственной семьей. Но, конечно, чем больше людей он собирал, тем больше становился риск утечки информации.

Он не мог остановить дрожание своих рук.

Когда посланник высадился, то не пошел навестить владыку домена Индолфа Йорка и не сообщил Федому Аулину, что его конец настал, вместо этого он встретился только с одним из них - Набарлом Метти.

Набарл был солдатом, который возглавлял отряд из пятисот человек. Находясь не под непосредственным командованием какого-либо из двенадцати генералов, он иногда принимал на себя обязанность по защите города или выступал в роли подкрепления, когда штурмовые силы нуждались в дополнении. Его формирование напоминало наемный отряд, а сам Дом Метти был семьей, которая первоначально выросла из наемников, но три поколения назад император лично признал их достижения и все их люди были назначены в рядовые солдаты с регулярной оплатой.

Учитывая беспорядки, которые только что возникли в Килро, он отправился туда под предлогом помощи в поддержании безопасности, но в действительности он принимал участие в частых, тайных встречах с Федом и другими людьми. И точно так же, как и их, смерть принца лишала его возможности реализовать свои амбиции.

Сам император, по какой-то лишь ему известной причине, приказал тому самому Набарлу вернуться в Солон. Он сел на авианосец, как только тот закончил пополнение запасов.

— Сэр Набарл, что происходит? Сэр Набарл! – Все члены антиимперской фракции, конечно, задавали ему вопросы, но…

— Мне жаль. Его Величество поручил мне срочное дело.

В итоге Набарл вылетел, не раскрывая никому, что это было за «срочное дело».

— Тцц это плохо, - пробормотал Мерлок, один из оставшихся членов антиимперской фракции и бывший член Имперского Совета, его голос слегка дрожал. Он являлся человеком, который всегда выглядел очень худым и бледным, как инвалид, но теперь его лицо было настолько бледным, что он казался на грани обморока.

– Этот проклятый Набарл может предать нас. Что, если он сообщит обо всем Его Величеству?

В Килро собралось семь членов антиимперской фракции и, само собой разумеется, эта же мысль пришла в голову остальным шестерым.

В результате пятеро из них поспешно начали готовиться к отъезду в Солон. Они не могли позволить себе отставать от Набарла. Им нужно было как можно быстрее встать на колени перед Императором и продемонстрировать, что они не имели ни малейшего намерения восстать.

В Килро располагалась большая база авиаперевозчиков. Ни у одного из них не было своих кораблей под рукой, но в таком месте, как это, пока они не щадили своих денег, дворяне могли купить себе корабль.

Именно поэтому Федом спешил с приготовлениями к отправке в Солон. Если Набарл

действительно сообщит о них, тогда как главарю, собравшему антиимперскую коалицию, Федому грозит самая серьезная опасность.

Скорее, скорее ... Он решил не идти в Солон, а направиться в Бирак, где вместе с семьей он сядет на корабль, чтобы отправиться на восток или запад - в любом случае ему нужно покинуть Мефиус.

Но ... где-то, в глубине души, была часть Федома, которая оставалась спокойна. Он признал, что если Набарл действительно собирается предать их, то в его поведение промелькнули странные моменты.

Пока он собирал свои личные вещи, погрузившись в думы, Индолф Йорк вошел в его комнату. Он был одним из двенадцати генералов и его только что назначили править Килро.

— Лорд Аулин, даже вы уходите?

Нетерпение и упрек чередовались в его пристальном взгляде на Федома. Он был единственным, кто не собирался ехать в Солон. Ведь он не мог покинуть Килро, разве что только в случае чрезвычайных обстоятельств. После восстания рабов прошло лишь два месяца, и находился он здесь по прямому указанию Императора, к тому же он потратил немало времени на то, чтобы приложить все усилия для обеспечения мира и порядка в этом городе.

— Каждый из вас ведет себя как ребенок, чей отец только что вызвал их. Однако я думал, что вы, лорд Аулин, мужественный человек.

«Ты бросаешь меня?» было негласным посылом к едким словам Индолфа.

Федом неискренне улыбнулся.

— Пожалуйста, будьте спокойны, генерал. Ничего еще не решено. Мы все просто хотим выяснить для себя, что происходит, но никто не думает разорвать узы, которые мы образовали здесь, в Килро.

— Ну, в таком случае, здорово, – генерал не собирался менять свой саркастический тон.

— Я, конечно, считаю, что эти узы прочны и их нелегко разорвать, но разве не похоже, что Набарл действительно связан с Императором?

— Касательно этого, – желание быстро закончить свои приготовления, естественно, заставило Федома вспыхнуть. Не то чтобы он был черствым настолько, что не мог думать ни о чем другом, кроме побега.

— У меня есть сомнения на этот счёт.

— Сомнения?

— Если Набарл намеревается сообщить о нас, почему посланник прибыл именно из Солона? Набарл мог придумать какое-то оправдание и уйти самостоятельно. Кроме того, генерал, вы, наверное, видели это и сами - лицо лорда Мерлока было бледнее обычного, но после того, как Набарл встретился с посланником, он выглядел так же плохо, как и лорд. Он был белым, как простыня! Он так же боялся, что наш план разоблачили. Мы не должны спешить с предположением, что он предаст нас.

— Но, - покачал головой Индолф, - разве это не одно и то же? Для Императора совершенно неестественно вызывать Набарла напрямую. Его Величество, вероятно, что-то подозревает и вызвал Набарла, потому что он самый младший из нас и самый лёгкий в уговорах. «Вы молоды и поэтому вас обманули. Я могу быть с тобой снисходительным, поэтому расскажи мне все о плане и его главаре». Император, вероятно, намеревается получить от него все, что угодно, сказав что-то в этом духе и…

— И поэтому! – Крикнул Федом, застигнув Индолфа врасплох. – Потому что есть такая вероятность, я и спешу в Солону.

— Н-но ведь я не могу покинуть Килро. Конечно же, вы можете посочувствовать тому, как я себя чувствую.

Федом отчаянно пытался помешать своим лицевым мускулам показать, насколько он сыт по горло этим разговором. Уж скорее это Индолф похож на ребенка, который был в ужасе от гнева его отца, кричащего на него.

Но вот почему … вместо того, чтобы испытывать нехватку времени, к Федому пришли другие эмоции. Вот почему человек перед ним вряд ли перейдет на другую сторону.

Пятеро, которые спешили в Солону, вполне могли подумать о том, чтобы взять на себя инициативу и предать других, чтобы защитить свои жизни и имущество, но Индолф Йорк, с другой стороны, пока не смог встретиться с Императором. Если он настолько боится того, что все будет раскрыто, он, скорее всего, захочет ускорить план.

— Хмм. — Федом Аулин снова торопливо надел на себя фальшивую улыбку. Он считал, что должен решить главную проблему этого человека.

— Все в порядке, генерал. Я бы никогда не бросил вас. Вы забыли, как мы клялись разделить одну и ту же участь? Независимо от того, какие мерзкие планы император Гул Мефиус использует, чтобы сбить нас, они не сработают. Этот старик больше не может видеть ясно.

— О, - прозвучал глубоко взволнованный голос Индолфа. Он знал, как опасно открыто критиковать Императора в этот момент. Он был тронут, что Федом делится своими мыслями с ним, несмотря на темноту, которая может ждать их впереди.

— Император, безусловно, боится. Уже многие считают его поведение странным. В Солоне я смогу переманить их на нашу сторону. Император сам роет себе могилу, а значит мы сможем легко найти немало новых товарищей для нашего плана.

— Я вижу. Я вижу. Как и ожидалось от вас, лорд Аулин, - выражение лица Индолфа сияло.

Проведя с ним ещё некоторое временя, Федому наконец удалось выпроводить своего напарника.

Он коротко вздохнул. То, что он сказал Индолфу, не было ложью, сфабрикованной на месте. Находясь в Килро, он несколько раз отправлял своих людей в Солон, чтобы оценить, как там идут дела. Одной из его причин было, конечно, убедиться, что фракция Императора не заметила намерений его группы, поэтому, когда этот авиаперевозчик приземлился без предварительного предупреждения, кровь Федома стала холоднее, чем у кого-либо.

Во всяком случае, это факт, что в Солоне становится всё хуже.

Избавившись от страха, охватившего всё его тело, Федом закончил свои приготовления, затем встал у окна и посмотрел на башню, стоящую в точке вылета авиаперевозчика.

Согласно последним сообщениям, в Солоне произошел пожар за день до церемонии поминовения в храме богов-драконов. Пожар возник в особняке, который когда-то был резиденцией Оубэри Билана. Говорят, что пламя пылало всю ночь, сжигая особняк до основания. Поскольку внутри не было слуг, то никто не пострадал, да и окружение в равной степени не было затронуто пламенем.

Это гнев принца, - шептали некоторые люди. Поскольку императорская семья использовала утверждение о том, что они произошли от Бога-Дракона Мефиуса, чтобы увеличить свою власть, можно было ожидать, что Император Гул воспользуется этими слухами, чтобы внушить людям благоговейный страх, однако Император вместо этого консультировался со старейшинами.

— Нет, это, конечно, обиженная душа Оубэри Билана. Из-за его желания заявить о своей невиновности, он нападает на Солон, даже когда он сам еще жив, - ответили они.

Какое к черту «желание заявить о своей невиновности»? Федом был настроен скептически касаемо этого. Оубэри убил принца, так почему они чувствовали необходимость изо всех сил говорить в его защиту?

Это… возможно здесь не о чем беспокоиться, но, с другой стороны, поскольку Гул однозначно был замешан в этом, то Федом был совершенно уверен, что он не затеял что-то подобное без чёткого плана.

Или пожар мог быть подстроен непосредственно по собственному приказу Императора. Затем попросившего старейшин высказать свое мнение по его просьбе, чтобы он мог использовать это для чего-то ...

В этот момент прибежал камергер, чтобы сообщить ему, что все приготовления завершены. Федом, взмахнув плащом, немедленно направился к месту вылета авиаперевозчика.

Поскольку после того, как он поднялся в небо, ему предстояло подумать и о многих других вещах, то на данный момент он перестал размышлять над пожаром в Солоне.

Федом не был богом, поэтому, естественно, он не мог знать этого в то время. Что его понимание ситуации было наполовину верным, а наполовину нет. Кто-то действительно поджег резиденцию Оубэри. Но этот человек не был подчиненным Мефиуса.

Часть 3

Несмотря на то, что он был заперт в своем особняке, разговоры других людей доходили до него. Саймон Родлом услышал об инциденте на церемонии поминовения почти сразу же, как это произошло.

Он не был лично знаком с Раймондом, но несколько раз встречался с его отцом. Это происходило в те дни, когда Совет еще работал.

Раймонда заключили в тюрьму по обвинению в осквернении церемонии. Судить по делу его будут не в Солоне, а в Недайне, куда его и перевели. Это было односторонние решение, принятое владыкой Недайна, Джэирусом. Другими словами, император Гул Мефиус показал, что совершенно не заинтересован в этом вопросе.

Саймон посмотрел на письмо, которое лежало на его столе, в нём он писал петицию Императору, но затем остановился на полпути.

— Он приказал мне оставаться под домашним арестом. Его Величество даже не взглянет ни на одно письмо, которое я напишу.

Если бы Император слушал своих слуг, такая ситуация никогда бы не произошла. Саймон Родлом откинулся на спинку стула и сложил руки на груди. Когда между Гарберой и Энде возникла ссора, и наследный принц Гил послал подкрепление Гарбере, Саймон защитил его действия и вступил в прямую борьбу против воли Императора. Даже если бы он признался сам себе, что в тот раз сказал слишком много, то понял бы, что Гул в этом случае даже не слушал

бы мнения того.

В результате Саймон оказался в своем доме взаперти. В какой-то момент Император настолько рассердился на него, что грозился изгнать его из Мефиуса, но, в конце концов, остыл, ведь не мог же он изгнать ближайшего из своих приближенных.

Хотя ...Те же Одайн Лорго и Роуг Сайан, два генерала, которые, как считалось, также одобрили действия принца, посылающего подкрепление, держались подальше от Солона. Даже не получив возможности объясниться, они были в одностороннем порядке осуждены Императором.

Опасаясь спровоцировать гнев Императора, ни один аристократ не пришел навестить Саймона. Все, что он получил - это письма от его дочерей и зятьёв, которые беспокоились о нем, но это было просто потому, что он отдал строгие приказы своей семье не приближаться к нему.

Заат Кварк.

Саймон внезапно вспомнил это имя, когда вызывал камергера для приготовления чая. Несколькими месяцами ранее, во время Фестиваля основания, Саймон отправился навестить Заата, который также находился в то время под домашним арестом. Позже Заат перебросил свои войска переворота и смены власти в Мефиусе, но в то время он был не более чем человеком, виновным в выражении своего мнения Императору. Но, несмотря на это, Заату было приказано оставаться дома, не имея возможности сказать «да» или «нет» и когда Саймон навестил его, он откровенно выразил свое недовольство.

Вспоминая об этом, тогда Саймон пытался успокоить и переубедить Заата, но не могло ли это быть знаком, предвещающим его собственную судьбу.

Мог ли быть прав в своих действиях Заат? Саймон всю жизнь служил императорской семье Мефиуса, но были времена, когда даже он чувствовал, как эти сомнения проносятся у него в груди. Эти мысли противоречили самому его образу жизни и для Саймона, уже давно переступившего совершеннолетие, они были тяжелее всего.

— Нет. — Саймон уныло вздохнул и сделал глоток теплого чая.

Тьма начала окутывать пейзаж за окном. Когда он встал этим утро, его план на этот день заключался в том, чтобы написать письма, а затем взглянуть на две или три книги, но он прервал написание писем и делал что-то еще, что-то другое, словно желая отвлечься от всего того, что его беспокоило.

Заат был не того калибра, чтобы стать настоящим правителем. Но тогда кто мог им стать, кроме Его Величества ...

Императорская линия никогда не прерывалась. Корона на их голове и власть в их руках, все императоры Мефиуса принадлежали к одной родословной. Если она когда-либо и будет прервана мятежом или восстанием, то чтобы решить, кто будет следующим на троне, сперва прольются реки крови, а по всей стране будет бушевать хаос, подобный буре.

Раны десятилетней войны еще не зажили, да и сама империя сейчас значительно ослаблена. Кроме того, отношения между ним, Гарберой и Энде, в настоящее время были весьма нестабильными. Вдобавок ко всему, хотя они и связаны союзом с Гарберой, принцесса Вилина, которая должна была выйти замуж за Мефиуса, теперь оказалась в крайне шатком положении.

Излишне будет говорить, что это произошло из-за смерти ее жениха, наследного принца Гила. Прошло уже почти два месяца с тех пор, как Гил скончался, но она все еще оставалась в Мефиусе. Ходят слухи, что она собирается остаться хотя бы на похороны, что с одной стороны делало честь принцессе Вилине, но также было широко признано, что ее присутствие с каждым днём становится всё большей неприятностью.

В императорской семье не было другого молодого человека, чей возраст подходил бы ей по возрасту. В этом случае правильнее для неё было вернуться назад в Гарберу. После этого пришло бы время изучить другие альтернативы: рассмотреть новый брак между принцессой Инэли и кем-то из королевской семьи Гарберы, выработать какую-то другую меру или даже пересмотреть сам альянс на корню. В последнее время Император часто встречался с посланниками из Энде и окружающие его люди, которые любили выглядеть так, как будто понимают его намерения, ходили, объявляя, что это, дескать, нормально для принцессы погрязнуть в девичьих чувствах, но вскоре она вынуждена будет принять решение о своей дальнейшей судьбе.

Сам Саймон не мог не почувствовать определенное сострадание к принцессе Гарберы. Она была известна тем, что лично управляла дирижаблем, как во время покорения Рюкона, так и во время восстания Заата, но после того, как ей сообщили о смерти наследного принца, она едва выходила на публику. Из того, что он услышал, когда пришли посланцы из Гарберы и подняли тему будущего принцессы, все что она сказала, это пара слов о том, что она остаётся в Мефиусе.

Какой бы храброй она ни была, ей исполнилось всего четырнадцать лет. Но опять же, всегда было так, что высокорождённые дамы всегда являлись разменными картами между воюющими страны. Даже Саймон не был склонен поддерживать принцессу Вилину в какой-либо степени. Тем не менее никаких сомнений не возникало в том, что будущее союза с Гарберой будет жизненно важно для определения того, что Мефиус будет делать дальше.

Саймон отпил последний глоток, оставшийся в его чашке. На самом деле я пил чай в такое неловкое время, ведь скоро будет обед. Пока он задавался вопросом, пойти ли ему на кухню и сказать им немного задержать ужин, вместо этого он обнаружил, что его зовёт камергер. Который выглядел удивительно взволнованным. Саймон обладал развитой интуицией.

— Посетитель? – спросил он.

Ведь он предупредил даже свою семью не приближаться к нему, но увидев, как камергер кивнул, он задумался.

Неужели мой приговор отменили? Он был готов ко всему, тем не менее, когда камергер назвал имя посетителя, Саймон замер в неподходящей для одной из ведущих фигур Мефиуса позе так, что на первый взгляд он выглядел почти сбитым с толку.

— Это… я бы очень хотел оказать подходящий приём для вас, но… – Саймон проводил гостя к креслу в гостиной, отдавая указание камергеру приготовить новую порцию чая.

На самом деле, когда он услышал о личности своего посетителя, он задался вопросом, должен ли он допустить его в резиденцию. Однако, хотя до этого дня они почти никогда не разговаривали друг с другом, он всё же слышал немало анекдотов и пересудов о личности этого человека - отказ в приёме сейчас определенно приведёт к его возвращению во второй, третий и четвертый раз. Поскольку это вызовет только ненужные проблемы в будущем, Саймон решил, что нет смысла откладывать сегодняшнею встречу.

— И моя ситуация, и ваша принцесса деликатны. Я удивлен, что вы смогли приехать сюда.

— Поскольку всё настолько деликатно, все кажутся весьма обеспокоенными, - улыбнувшейся ему в ответ, была не кто иная, как та, о ком Саймон думал совсем недавно. Третья принцесса Гарберы, Вилина Ауэр.

— И поэтому не было никого, кто мог остановить меня напрямую. Они зашли так далеко, поскольку надеялись, что я получу удовольствие, когда куда-нибудь выйду.

Она поблагодарила слугу, который предложил ей чай. Наблюдая, как девушка обхватывает чашку обеими руками, как будто желая согреть свои руки, хотя сейчас явно не холодно, Саймон задумался - слухи говорят, что она подавлена отчаянием, но это явно не так. Но в то же время он не мог отрицать, что когда-то по девичьи полные контуры ее лица стали уже. Однако было слишком рано, чтобы ее черты лица стали похожи на взрослые. Просто ее глаза казались большими, да тень душевной боли иногда проявлялась на ее лице. Несмотря на это, голос Вилины был чист и эти большие глаза смотрели прямо на него. В этом она нисколько не изменилась.

Что ж, теперь … С тех пор, как он услышал ее имя, Саймон так и не смог избавиться от своего смущения.

— Итак, принцесса… Почему вы пришли ко мне?

Обычно, Саймон не был бы таким неуклюжим, чтобы переходить сразу к делу, но час был поздним. За окном темнота становилась все глубже.

— Верно, - Вилина отпустила чашку и снова улыбнулась, - я пришла поболтать за чаем.

— А?

— Вы - ведущая фигура в Мефиусе, лорд Родлом, и я пришла выпить с вами чаю.

—Это…

— В этом нет другого смысла. С тех пор, как я приехала в Мефиус, я почти не разговаривала ни с одним джентльменом, кроме наследного принца. Люди говорят, что если вы хотите узнать о ситуации в доме, вы должны пообщаться с женщинами, поскольку они знают всё о творящихся делах в доме, но если вы хотите узнать о стране, нужно говорить с мужчинами.

Сквозь дымку пара лицо Вилины выглядело несколько эфемерно. Саймон криво улыбнулся.

— Я человек без власти, принцесса. Его Величество не доверил мне ни земли, ни солдат. Ну, то единственное, что я накопил - это праздные годы, поэтому могу предложить одну или две темы вместо пирожных.

В Мефиусе, конечно, нет ни одной девушки, похожей на нее. Хотя, улыбаясь и общаясь с ней, Саймон чувствовал определенное восхищение, но также и нечто странное в отношении четырнадцатилетней девочки. Она слишком привыкла к тому, чтобы быть рядом со взрослыми, что, несомненно, было признаком высокорожденной молодой леди, но всё же он немного неохотно использовал этот пример к данной ситуации - в отличие от принцессы Инэли Мефиус, она, казалось, не преуспела в искусстве использовать свой возраст и положение, чтобы соответствовать своему окружению и в последствии приобрести их привязанность.

— О чем мы будем говорить?

— Ну что ж, - сразу же ответила Вилина, даже не делая вид, что задумалась об этом, - я бы хотела услышать истории о Его Величестве Императоре.

— О Его Величестве?

— Да, – как бы нагло ни было ее предложение, выражение лица Вилины оставалось безразличным.

Саймон почти потерял дар речи, но затем быстро опомнился. Он даже начал наслаждаться нетрадиционным поведением принцессы.

— Я понимаю. Хотя боюсь, что истории старика будут немного скучными.

С этим предисловием Саймон начал рассказывать об Императоре и о себе, служившим ему большую часть своей жизни.

— Как наследник Дома Родлом, я служил Его Величеству с детства. У моего дома есть обычай учиться вместе с сыновьями императорской семьи.

В те дни, кроме Гула, существовало два других кандидата на престол. Хотя он являлся старшим сыном, у Гула было слабое здоровье, и к тому же он с трудом доверял другим людям, поэтому он был несколько отстранён от общества.

Оглядываясь назад, Саймон полагал, что это, вероятно, началось, когда во время одной из охоты на драконов, которая широко известна по всей стране, Гул стал свидетелем, как его мать умирает прямо на его глазах. В то время ему не исполнило и десяти лет.

Служить ему оказалось не самой простой задачей. Он был капризным и быстро начинал кричать, когда что-то ему не нравилось. Он также был глубоко подозрительным и Саймону потребовалось почти пять лет, чтобы убедить его, что он не враг ему, а союзник.

— С самого детства он очень легко поддавался эмоциям. Именно поэтому он не очень хорошо воспринимает аргументированные доводы. Если вы попытаетесь наставить его с помощью логики, он будет сопротивляться, поэтому лучше будет сказать ему: «Я понимаю ваше мнение, но позвольте мне дать вам мое в качестве альтернативы».

Кроме того, еще лучше сделать это на публике. Гул имел тенденцию начинать спорить, когда он был наедине с кем-то, но если он был перед другими людьми, то мог превратить это в демонстрацию щедрого принятия чужого мнения. С этого времени Гул осознал, необходимые «качества для императора». Саймон помог обнаружить и воспитать те «качества», к которым так стремился Гул, поэтому давал советы таким образом, чтобы не отталкивать Гула, все время становясь ближе к нему.

— Его Величество склонен уходить в свою оболочку, но именно поэтому, когда он примет кого-то в качестве союзника, эта связь будет очень прочной. У него есть такая застенчивая улыбка, которую он когда-либо показывал только своим друзьям, что мне очень понравилось.

Отчасти, благодаря беспощадным усилиям Саймона, Гул постепенно научился самоконтролю и тому, как превратить свою изначально подозрительную природу в такую, которая наблюдала за окружающими, что позволило ему расширить его поле зрения.

Затем, когда ему было семнадцать, он дебютировал в войне против Гарберы. Ему было предоставлено только пятьдесят солдат, но он заслужил достижение единоличного убийства вражеского командира. Получив от этого значительную уверенность в себе, Гул продолжил собирать опыт и строить прочную основу для того, чтобы в конечном итоге стать императором Мефиуса.

Хотя одна проблема все еще осталась. Гул должен был жениться до того, как вступит на престол, но, к ужасу окружающих, он продолжал оставаться одиноким в течение очень долгого времени. Саймон также напоминал ему об этом снова и снова, но…

— Я не скаковая лошадь. Не беспокойся о том, что произойдет после моей смерти Саймон, потому, что если это произойдет, я умру, оставив все тебе.

Было невозможно сказать, шутил он тогда или говорил это серьезно.

Ему было за сорок, когда он в конце концов женился на девушке по имени Лана. Несмотря на то, что ее семья была из знати, долгое время служившей императорской семье, это не был Дом, который ранее имел связи через брак с правящей семьей.

— Из-за этого Ее Величество Лана совсем не была знакома с обычаями императорской семьи. Другие члены семьи оскорбляли ее за спиной и критиковали ее в лицо, но каждый раз Его Величество защищал свою жену.

Могло показаться, он делал это потому, что теперь ему было что защищать, но на самом деле Гул приобрел «качеств» государственного деятеля больше, чем когда-либо прежде, именно после свадьбы Ланой.

— Хотя… я верю, что в определенном смысле именно леди Лана защищала Его Величество и руководила им больше, чем я когда-либо мог.

Лана быстро уловила характер Гула и легко справилась с тем, с чем Саймон боролся до тех пор. Хотя обычно она говорила мало, тем не менее она взяла на себя инициативу высказывать свое мнение Гулу таким образом, чтобы он не предавал эти «качества». При этом она часто помогала слугам, вызвавшим гнев Гула за ту или иную ошибку. Вдобавок ко всему, она всегда публично оставляла за Гулом последнее слово, поскольку заботилась о том, чтобы сохранить самооценку Императора…

Достигнув этой точки в своей истории, Саймон внезапно моргнул, словно возвращаясь к реальности.

— Вместо того, чтобы рассказывать об Императоре, я боюсь, что заставил тебя слушать ворчание старика, - пожилой дворянин растерянно рассмеялся, но…

— Нет, совсем нет, – Вилина покачала головой.

Поскольку чай остыл, Саймон собирался попросить еще, но в этот момент она снова сказала «нет».

— Большое спасибо, — принцесса опустила глаза. – Приехав из другой страны, я, вероятно, не

буду иметь удовольствия встречаться с вами так часто, как хотелось бы, но от всего сердца благодарю вас за сегодняшний вечер и за этот редкий шанс поговорить с вами, лорд Родлом.

Она ушла.

До самого конца ни Вилина, ни Саймон не произнесли имени покойного наследного принца. Саймон думал, что это странно, учитывая её визит он предполагал, что она перенесет тему разговора с Императора на Гила Мефиуса.

На самом деле Саймон чувствовал себя несколько недовольным этим.

Эта принцесса ... Зачем она пришла? Он не мог прочитать её намерения. Пришла ли она развлечь себя, играя милостивую даму?

Во всяком случае, он вышел проводить ее, когда она выходила из особняка с горничной, которая, очевидно, ждала ее в другой комнате.

Я говорил слишком много сегодня.

Возможно, ему не хватало разговоров, так как у него не было посетителей. Когда он вернулся в свою комнату, Саймон с горечью вспомнил разговор с Вилиной. Он чувствовал себя жалким за то, что так хвастливо говорил об Императоре. Если бы он мог справиться с ним даже на десятую часть, как он хвалился принцессе, то не находился бы в своём нынешнем положении.

Ах! Саймон оказался поражен чувством удивления, прежде чем смог сказать себе, что он должно быть ошибся.

Нет ... но ... этого не могло быть ...

Учитывая личность принцессы, она не могла рассматривать нынешнее поведение императора Гула как праведное. В конце концов, Император пытался помешать подкреплению добраться до ее родной страны, Гарберы. В тот момент Саймону показалось, что принцесса могла просто собирать информацию, чтобы противостоять Гулу, её «врагу».

Другими словами, это было проявлением ее намерения пожертвовать собой, приехав к Мефиус.

В таком случае она может прийти снова… Саймон вздохнул.

Однако его прогнозы окажутся совершенно неверными. Через два дня после посещения его особняка Вилина сделала то, чего не ожидали ни Саймон, ни кто-либо еще во дворце.

http://tl.rulate.ru/book/45912/1098509